

EDN: GMBNUY
УДК 82–94:392(571.51)”1890/1899”

“The Seminarian”: Notes on the Life and Customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the Early Samples of Attempts at Writing by Teacher-Philosopher P.P. Ustyugov (Part II)

Olga A. Karlova*

*Siberian Federal University
Krasnoyarsk, Russian Federation*

Received 25.03.2024, received in revised form 01.04.2024, accepted 14.05.2024

Abstract. The article introduces into scientific circulation information about the deciphered manuscript of the early work of the teacher of the Yenisei province of the XIX–XX centuries, the author of the philosophical essays P. P. Ustyugov “Seminarist”, found in the archive of the Krasnoyarsk writer-historian A. I. Chmykhalo. The article publishes separate fragments of the manuscript with socio-cultural and literary-critical comments on the life and customs of Krasnoyarsk in the 1890s, gives a historical and literary assessment of the first samples of P.P.’s pen. Ustyugov, known as the “king of Takmak”, analyzes the chronotope and semantic “toponymy” of the notes, characterizes such a regional literary phenomenon as the Siberian moral life writing.

Keywords: siberian moral life writing, early views of the teacher-philosopher P. P. Ustyugov, semantic “toponymy” of the text, cyclical, everyday, adventurous and morally self-reflective time of notes, religious and ethical sentiments of Krasnoyarsk youth at the turn of the twentieth century, description of the mores of Krasnoyarsk in the 1890s.

Research area: Theory and History of Culture and Art.

Citation: Karlova O. A. “The Seminarian”: Notes on the life and customs of Krasnoyarsk in the 1890s in the early samples of attempts at writing by teacher-philosopher P. P. Ustyugov (Part II). In: *J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci.*, 2024, 17(10), 1970–1978. EDN: GMBNUY

«Семинарист»: заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П.П. Устюгова (Часть 2)

О.А. Карлова

Сибирский федеральный университет
Российская Федерация, Красноярск

Аннотация. Статья вводит в научный оборот информацию о расшифрованной рукописи раннего произведения учителя Енисейской губернии XIX–XX вв., автора философских эссе П. П. Устюгова «Семинарист», найденной в архиве красноярского писателя-историка А. И. Чмыхало. В статье публикуются отдельные отрывки рукописи с социокультурными и литературно-критическими комментариями о быте и нравах Красноярска 1890-х гг., дается историко-литературная оценка первым пробам пера П. П. Устюгова, известного как «король Такмака», анализируется хронотоп и смысловая «топонимика» заметок, характеризуется такое региональное литературное явление, как сибирское нравоучительное бытописание.

Ключевые слова: сибирское нравоучительное бытописание, ранние воззрения учителя-философа П. П. Устюгова, смысловая «топонимика» текста, циклически-бытовое, авантюрное и нравственно-саморефлективное время заметок, религиозно-этические настроения красноярской молодежи рубежа XX века, описание нравов Красноярска 1890-х гг.

Научная специальность: 5.10.1. Теория и история культуры, искусства.

Цитирование: Карлова О. А. «Семинарист»: заметки о быте и нравах Красноярска 1890-х годов в ранних пробах пера учителя-философа П. П. Устюгова (Часть 2). *Журн. Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки*, 2024, 17(10), 1970–1978. EDN: GMBNUY

Идентификация среды: искушения и опыт (продолжение)

Серьезные нравственные испытания, которым подвергаются семинаристы, косятся в искушениях водкой, женщинами и собственным задиристым нравом, которые описаны в разделе «Семинаристы. Братская выпивка» как непременно сопутствующие друг другу. Все начинается с поиска повода к выпивке: в разделе таким является зачисление автора в хор семинаристов, которое было его давней мечтой. Группа семинаристов у него на квартире пробует «очень крепкой водки», а потом, на ночь глядя, ищет приключений, на которые их толкает заводила Тыжнов, приводящий всю компанию на попойку к семинаристу Спицыну и по дороге

порукавшийся со всеми, кто им попадался. «Тыжнов, очевидно, затем и шел сюда, чтобы с кем-то поспорить. Он шмыгал взад и вперед мимо комнаты хозяйки дома. В комнате была сама хозяйка, ее дочь – девушка лет 19-ти и наш же семинарист Пулло. Нужно сказать, что Пулло неспроста ходил к хозяйке и к семинаристам, живущим у ней. Он, как после выяснилось, вздумал ухаживать за хозяйской дочкою. По слухам, его ухаживание доходит до того, что дочке приходит время родить на свет одно несчастное существо, которое своим появлением обесчестит свою мать, будучи само невинно. Мать в отчаянии будет скрежетать зубами и ждать день и час твоего появления на свет Божий. А кто вызывает тебя на свет Божий, несчастное

существо? – Пулло, соблазвивший девушку и осквернивший, обесчестивший ее девственное ложе. Удивительный народец, право! Полюбил девушку, ну полюби ее честно и свято, а зачем же отнимать у нее лучшее ее украшение – целомудренность, невинность, честь и тем делать ее несчастной на всю ее оставшуюся жизнь. А если ты отнимаешь у нее невинность, позоришь ее в ее собственных глазах и во мнении людей, то ты тем ясно показываешь, что не любишь ее, мало того, ты презираешь ее, если удовлетворяешь ею свои скотские побуждения!.. А Тыжнову должно быть завидно, что тот захватил в свои руки живое лицо, и время от времени наслаждается им, высасывая из него соки с тем, чтобы по миновании надобности через несколько времени бросить его. Вот и Тыжнов, видимо, хочет поссориться и с дочкой хозяйки, и с Пулло, и чтобы ссорой, приправленной едкими замечаниями насчет хозяйской дочки, сорвать свою злобу. Видите, Тыжнову завидно, что хозяйской дочкой владеет не он, а Пулло. Я же видел, что Тыжнов хочет устроить скандал, и начал уговаривать его уйти со мной, обещая купить еще бутылку водки, заняв у хозяйки денег. Куда, он и слышать не хотел и меня же еще ругал, что я трус и хочу соблазнить его бутылкой водки, чтобы потерять ему случай «устроить сегодня одно дельце» (Ustyugov: 76–79). «Дельце» заканчивается скандалом, дракой и выбитыми стеклами. При этом автор пытается сдержать участников авантюры, понимая все последствия учиняемого разбоя. В финале своей авантюрной выходки избитый оскорбленным Пулло зачинщик скандала Тыжнов плелся вслед за товарищами домой, «молчал и только вздыхал, жалуясь на вероломство своего товарища. Тут он пожалел, что напрасно оскорбил и извозчика, который предлагал нам свои услуги, что совершенно зря и напрасно смеялся над публичными женщинами в их здании, и разбил камнем вдребезги их красный фонарь. Много он по пути к дому вспомнил, и во многом чистосердечно раскалялся, просил, например, и у нас прощения, а меня даже обидел за то, что я его ударил в спину кулаком и вырвал из рук камень. Вот что иногда может сделаться с человеком –

какое превращение – и в дикого зверя вдруг вселяется кроткая овечка» (Ustyugov: 82). Водка и пьянство выступают в повествовании как спусковой механизм, который позволяет махнуть рукой на здравый смысл и пуститься во все тяжкие, открыв дорогу главным порокам человеческим – похоти и дурному нраву. А в «семинаристском товариществе» с его обычаями круговой поруки достаточно и одного задиры, чтобы вся компания оказалась вовлечена в ночную авантюру.

Другой «спусковой механизм» искушения и порока, по убеждению автора, – женщины. В заметках представлены несколько женских типажей. Первый – женщины в годах, как правило, вдовы, подобные его хозяйке, которую его сосед по квартире Катенев называет в споре «устаревшей», и этой своей характеристикой она очень недовольна: «...Хозяйка считала себя не дурною, считала себя способною быть замужнею женщиной и не прочь была выйти замуж... Разговор о женихах доставлял и будет доставлять ей неизъяснимое наслаждение, хотя наружно она и отнекивается, но если попристальнее понаблюдать, то можно заметить, что она слабо отнекивается и рада, всей душой рада, что и ее считают еще способною быть женою. Положим, она не стара, ей 35 лет, и в ее лета зачастую выходят замуж, но, по мысли, ей давно бы нужно быть в монастыре. Впрочем, она не против и монастыря, потому что сама говорит, что с удовольствием бы пошла в монастырь. Вот тут и узнай, кто она такая на самом деле! Женильба и монастырь – никакого нет сравнения. А она вот может как-то сразу мечтать и жениться, и в монастырь. Дурость какая-то! Она даже не знает, для чего живет и может ли быть там, где желает» (Ustyugov: 63–64).

Другой типаж – гимназистки, которые, как пишет автор, с презрением относятся к семинаристам, считая их неразвитыми, грубыми людьми. «А сами если нужно кому написать маленькую ничтожную записку, наделают столько ошибок, что читатель той записки пожмет от удивления плечами и не знает, чему приписать это» (Ustyugov: 65). Но еще больше нареканий вызывает их

авантюрное поведение, желание помоднее вырядиться, полное пренебрежение к воспитанию чувств. По мнению автора, среди гимназисток «ученых и вполне нравственных тоже – очень и очень мало. Нынче век материальный, и если вы, читатель мой, богаты, то вы можете делать с ними все что угодно. Чувства собственного достоинства, чувства чести у них нет. А бедных людей, как вот я, презирают и ненавидят» (Ustyugov: 66).

Третий женский типаж автор именует «барышнями», которые в церкви (еще одно важное место для встреч и публичных событий) становятся на самое видное место, чтобы на них засматривались «кавалеры». Их задача – обратить на себя внимание внешним видом и показной благообразностью. «Молятся они только наружно, а думают совсем о другом. У них в воображении в это время рисуется какой-нибудь «кавалер», чаще же наш брат семинарист... Тысячная же часть молодежи, почти вся, смотрит на них с сладострастной физиономией, думая – «эх кабы мне такую!»... Иной, смотря на какую-нибудь пухленькую, румяную, пикантную во всех отношениях, сопоставляет себя с ней и находит, что он щен против нея. Тут же кается в своем нерадении о собственном здоровье и тут же дает себе слово заниматься гимнастикой, дает слово развиться физически, чтоб не стыдно было перед женой хорошенькой за свою физическую сторону тела. Иной же, смотря на эти наряды, на их деревянные лица, на различные их приспособления заманивать глаз мужчины, проникается до мозга костей своих презрением к ним» (Ustyugov: 36–37). Помимо показной благообразности барышень отличают жеманство и ложный стыд. Размышляя над строками Песни Песней из книги Соломона, автор заметок находит эти черты в женщинах противоречащими живому природному началу, которое вовсе не случайно воспевается в священном писании. «Если рассудить хорошенько, то в подобных случаях нечего и стыдиться: неужели тому стыдиться, что тебя Бог создал женщиной, а меня мужчиной. Довольно глупо, если стыдишься раз-

личия полов! Не всем же быть мужчинами или женщинами. Так уж мы сотворены, что женщины без мужчин и мужчины без женщин существовать не могут. Таким образом, нет никакого преступления или стыда, если мужчина увидит нечаянно женщину в costume прародительницы Евы, или женщина увидит мужчину в costume Адама. А всему виной в подобных случаях наша глупость и неразвитость, непонимание вещей и всего, что нас окружает» (Ustyugov: 44). Между тем для дурно воспитанных семинаристов барышеньки – особое искушение, поскольку наклонности в этой среде «более сладострастные, осязательные, чувственные». Семинаристы в основной своей массе стремятся «наслаждаться не нравственно, а физически, наслаждаться тем, что приятно нас щечочет, приятно раздражает нервы и весь организм». Это чувство автор называет «природным чувством семинарской любви». Но лично автор предаваться этому чувству с барышнями не советует: так уж повелось, что рядом с такой поверхностной любовью всегда ходит измена. И тут уже снова маячит впереди триединое искушение: «женщины – несчастная любовь – пьянство». «И человек с душой, с благородным чувствительным сердцем от огорчения, потерпев такое крушение своего сердца по милости какой-нибудь мокрехвостки, кидается к своей утешительнице «водке», чтобы ею, ея широким веселым разгульным током залить раны своего сердца и забыть свою злодейку» (Ustyugov: 39). В конце короткого эссе на эту тему автор заметок выносит женщинам довольно строгий приговор: «Эх, если бы эти барышние-девушки были люди с душой, с благородным чувствительным сердцем, отзывчивым ко всему доброму, прекрасному, возвышенному и святому, тогда бы... Тогда бы жизнь с ними была настоящий рай. А в действительности ничего подобного у них не замечается, и они продолжают оставаться пошлыми пустыми людьми, умеющими только рядиться, душиться и танцевать. А посему разумный, чувствительный к добру, счастью и горю, хотя они и «душатся», души за ними не признает, ее у них не было

и, пожалуй, не будет. Таково мое мнение относительно нашего «прекрасного пола», как его называют его ярые поклонники – люди, по большей части тоже пустые» (Ustyugov: 41).

Четвертый женский тип – самый грешный, жалкий, но зато по-деловому честный и откровенный: это проститутки. «Эти погибшие создания что-то такое поставили со двора, что мы могли свободно стоять, облокотившись на ворота. Тыжнов, увидев их, послал им несколько слов и за ними легкую брань; они отвечали нам тем же, хохоча во все горло и поступая по тем правилам, которые присущи таким жалким созданиям прекрасного пола» (Ustyugov: 75). Существование этого разряда женщин в современном ему обществе автор считает греховой необходимостью: «Для удовлетворения наших плотских побуждений устроены известные дома с красными у ворот фонарями. Там, выбрав по собственному вкусу жертву и купив ее на несколько часов, можешь удовлетворить свои плотские побуждения как тебе угодно – вдоль и поперек» (Ustyugov: 77–78).

Таким образом, авантюрные события в жизни семинариста случаются чаще всего из-за того, что он поддается тем или иным искушениям среды, в которой живет. Но бывают и удивительные случаи, когда причиной неприятностей выступают самые лучшие личные побуждения. Так, забыв дома программу урока, которую должны были обсуждать, семинарист, желая предупредить неприятную ситуацию, обращается с просьбой к наставнику отпустить его домой за программой. Но в ответ получает лишь репрессии директора. «Так я со своей предосторожностью попался. У Киберта тоже не было программы, но он не спешил заявлять о своей неисправности. Я-то попался. А он вышел сух из воды. За неисправность директор приказал вписать меня в дежурный журнал, в эту мерзавку, которая сбавляет поведение» (Ustyugov: 8). И вот юноша получает жизненный урок: никто не оценит твои лучшие побуждения, а потому надобно не высовываться, пока не спрашивают, и надеяться на то, что

повезет. На деле получается, что русский «авось» в семинарской среде – не такая уж эфемерная субстанция.

Выводы.

Самоидентификация автора: созерцание как труд души

Автор причисляет себя к людям крайне бедным, к тому же без всяких средств к существованию. «...Таким образом, для нас, пролетариев, эти двери, ведущие и открывающие собою святилище, храм науки, крепко-накрепко забиты и заколочены, так что их никак отворить нельзя, да и невозможно: нас тотчас в три шеи выгонят да еще посадят в тюрьму, пожалуй, за учинение якобы бесчинств, оскорбления и осквернения как храма науки, так и находящихся в нем. Горе нам, пролетариям! А двери эти отворяются только для избранных и родовитых особ, а для нас, пигмеев, закрыты навсегда. Семинария для меня – ключ к образованию, и я погиб, если меня обрекут на изгнание из нее» (Ustyugov: 95). Это самоощущение, однако, касается только финансового состояния: автор резко выступает против главенства в жизни барыша и денег, за которые многие люди готовы все и всех продать. «Пролетарий» в данном контексте для автора означает «материально бедный», но в духовном и культурном отношении он, пожалуй, согласен со своим однокашником, который в споре с хозяйкой квартиры негодует, что их, семинаристов, могут как постояльцев даже просто сравнивать с рабочими, что грязны и пьяны, ругаются и дебоширят. Ясно, что рабочие, то есть настоящие «пролетарии», описываются в заметках как среда, стоящая значительно ниже семинаристов на социальной и культурной лестнице. Таким образом, самоидентификация автора заметок происходит именно в семинаристской среде. Несмотря на все недостатки, эта среда представляется автору не такой уж плохой, хотя, как он выражается, многие «только услышав слово «семинарист», махают рукою, это, дескать, подлый, бесстыдный народ. А мы-то, может, почище всякого, хоть нас за слово «семинарист» боятся. Я не пони-

маю, что они в этом слове находят для себя страшного, ужасного для них. Нас ругают, а сами-то, прости Господи, хуже всех» (Ustyugov: 64–65).

Описывая семинаристскую среду, автор пользуется популярными в тот период приемами бытописательства. Такого рода рассказы и записки – не редкость в российских изданиях второй половины XIX века. Однако «Семинарист» П. П. Устюгова имеет и несколько существенных отличий, среди которых этико-культурный и саморефлективный характер смысловой «топонимики» повествования. Заметим, что даже сюжет заметок выстраивается в зависимости от нравственно-оценочного хронотопа душевных переживаний автора, а выводы «кто есть кто» в семинаристской среде связаны с искушениями гордыней, безбожием, женщинами, пьянством и даже «товариществом». Таким образом, стиль заметок было бы правильнее определить как нравоучительное бытописательство. К слову сказать, нравоучительность – явление, более характерное именно для сибирской прозы и публицистики разных эпох, включая рубеж XX века.

Нравоучительность обычно выражается в ряде определяющих этических тезисов. Для семинаристской среды это в первую очередь манифест будущей профессии, которую автор заметок считает достойной призвания. Вообще П. П. Устюгов много размышляет о сути учительской профессии: в найденном архиве его документов немало аналитических заметок о положении учителей в дореволюционной и советской России, есть эссе о сути и содержании учительской профессии, написанные в 1920-е годы. Начало этим размышлениям, безусловно, положил «Семинарист», в котором осмысливается поведение наставников в красноярской семинарии 1890-х годов. Через все эпизоды «Семинариста» проходит, как «злой гений», наставник Д. В. Никитский, которого любят и уважают только любимчики. «Худой человек Никитский был для семинаристов, что греха таить: всякий боялся и злился на Никитского, и большинство давало себе обещания по выходе

из семинарии ответить Никитскому на все его оскорбления и нападки, которым он иногда совершенно напрасно подвергал воспитанников. Слыша иногда самые убедительные угрозы в отношении Никитского, я даже боялся за него, несмотря, что сам его не люблю и презираю» (Ustyugov: 24). Любопытно при этом, что преподавательские способности своего наставника автор ценит достаточно высоко: «Я его и не хулю в отношении преподавания: Н. как учитель – хороший – и говорить нечего, а как человек – воспитатель юношества – худой. Скверные черты его характера ясно обнаруживаются на уроках в разговорах с воспитанниками, где он, сам не замечая этого, оскорбляет и дает себе чувствовать, вызывая в то же время недоброжелательство к себе своих воспитанников. А смеяться, издеваться над нами Н. любит» (Ustyugov: 30). Иначе говоря, как преподаватель учебной дисциплины Никитский хорош, даже талантлив, но с педагогической точки зрения он – антипод наставника. Доказательством этого служит рассказ о его стычке на уроке с семинаристом Пулло, ясно показывающей взаимную и неприкрытую злобу учителя и подопечного. Из пояснений автора видно, что истинный наставник, по его мнению, не только тот, кто учит предмету, но кто может научить детей добру. Таким наставником выступает в записках Алексей Сергеевич Еленев. «Вот любимейший наш наставник! Алекс. Серг. все семинаристы любят как отца родного, и нет такого, который бы к нему не относился с уважением. Хороший, редкий человек и наставник Еленев! В семинарии вновь такого, пожалуй, и не найти. Как он отечески заботливо печется о нас! Все равно как о детях своих. Как же мы можем платить ему злобою, когда он нас так искренне любит?» (Ustyugov: 86–87). Из повествования известно, что он ходит с семинаристами в походы, в частности в Бирюсинские пещеры. Возможно, именно эти походы укрепили в самом П. П. Устюгове не только любовь к природе родного края, но и особое восхищение мощью Саянских отрогов, которое позже легло в основу философии «короля Такма-

ка». Конечно, с литературной точки зрения П. П. Устюгову в его ранних заметках лучше удастся не идеальный образ наставника, а описание противоречий и конфликтов, потому и облик Никитского получается более ярким и жизненным – этаким «двуликий Янус», прекрасный среди себе подобных и всех, кто выше его по рангу и богаче. «Но среди нас – скверный человек. Он нас не любит, как должен был любить, будучи наставником, будущих наставников. Он нам все дал – любви только не дал. И что же вышло? Мы вышли из стен семинарии, хотя и подготовленные на учительской стезе, но гордые, самолюбивые, вышли не любящими своего дела, тяготящимися им и мирящимися с ним ради куска насущного хлеба. А кто виноват? – Никитский. Он нам не дал любви, не вложил ее в нас, и мы не можем дать ее и своим ученикам, так как не имеем ее. Выходит, что мы никого не любим и нас тоже никто не любит. Таким образом, Никитский и сделал нас несчастными на всю нашу последующую жизнь» (Ustyugov: 24–25).

Заметим, что этот вывод автора кажется не вполне последовательным: в самом деле, почему же семинаристы скорее готовы унаследовать эту «нелюбовь» Никитского к своим ученикам, вместо того, чтобы брать пример с Еленева? Ответа на этот вопрос в заметках мы не находим, но, скорее всего, он из области юношеского максимализма и драматизации действительности и в первую очередь драматизации собственной «жизни души». В крайностях своего восприятия жизни автор признается и сам: «Исполнив удачный, опасный и трудный скачок, всякий обыкновенно чувствует какое-то душевное наслаждение, проистекающее от внутреннего сознания в своих силах и в некотором искусстве в этом отношении. Это-то чувство, это-то сознание своей силы видоизменяют, смотря по обстоятельствам, заставляют меня иногда вдаваться в крайности. Это уже какая-то бесшабашность: сознавая себя сильным и независимым ни от кого и ни от чего, я, разумеется, никого не боялся и ни перед кем не тряся, в особенности, если мне

чем-нибудь угрожали» (Ustyugov: 9). В разделе «Я грубый непочтительный человек» автор называет это «направление своей воли» ошибочным, принесшим ему немало ссор с наставниками и наказаний, не соответствующим христианскому смирению и спокойному созерцанию. Сам автор заметок старается мыслить по-христиански даже по отношению к своим очевидным недругам: «...Никитский...тебе сейчас дома, наверно, ужасно икается, и ты мыслишь, что тебя кто-то поминает, любит, должно быть, и ты самодовольно улыбаешься. Не улыбайся! Я уже к тебе лично больше не обращаюсь. Бог с тобой, живи как жил; я тебе зла не желаю, я только жалею тебя, несчастный, жалкий, проклятый семинаристами человек» (Ustyugov: 28–29).

Духовные начала жизни очень важны для автора. Как известно, много лет спустя «король Такмака» Павел Прокопьевич Устюгов увлеченно воспел такое великое творение Господа, как Красноярские Столбы. Понимание нерукотворности и духовности мира пришло к нему, как мы видим, еще в юности. Выступая против материалистов и атеистов, полагавших окружающий мир созданным природой, он восклицал: «Но кто же эта Природа, откуда она взялась – на это они не могут дать положительного ответа, не желая увидеть в этой «природе» самого Бога, его силу и волю, которыми он управляет и дает этим всем творить» (Ustyugov: 10–11).

Духовность, божественная ипостась важны для автора и в женской природе. В противоположность женщинам, осознанно искушавшим мужскую половину человечества, он восторгается теми, к кому питает уважение за чистоту и непорочность души, искренность и неподдельность чувств. Такова барышня Косова – шестой и самый редкий женский тип в его заметках: «Достойная во всех отношениях девушка! Если ее долго почему-либо не было у нас, я сучал по ней и от всей души желал ее прихода. Появление же ее у нас было для меня настоящим праздником. Я сразу обновлялся во всем своем существе, делался иным человеком и радовался как дитя, а потому вся-

чески старался доставлять ей всевозможные удовольствия. Да, она вносила в мою душу мир и спокойствие, заставляла любить ее за ее добрый, ласковый, мягкий характер... Да, чистая, непорочная, невинная душа, я думаю, в самом грубом с зверским характером человеке пробудит к ней хотя безотчетное уважение и поклонение, как к чему-то возвышенному, святому, на которые он, этот грубый человек, и не достоин даже смотреть» (Ustyugov: 33–34).

Вершина нравоучительного бытописательства – рассуждение о смысле человеческой жизни. По мнению автора «Семинариста», человеческое предназначение в том, чтобы приносить людям пользу, чтобы не отрицать, не разрушать, а именно созидать. «Возьми же вы из мира животных или растений, всякая особь приносит пользу. А человек, существо разумнейшее, не знает, куда употребить свои силы. Он только истребляет, портит, а не созидает, как и нужно. А сами все будут портить и истреблять, так ведь этому будет конец: истреблять уже будет нечего. А истребив все, истребители погибнут и сами, и все умрут... Чего-то хорошего, когда все будет истреблено. Нет, нужно не истреблять, а созидать. А вот этого господ, бездеятельные и скучающие – они всему и вред; потому что сделав какую-нибудь подлость и по этой самой подлости, из-за первого этого шага будут чем далее, тем более творить подлости. И, наконец, дойдут до того, что сами себя проклянут и погибнут безотрадной смертию, терзаемые совестью за свою пошлую, низкую жизнь. А ведь таких господ, повторяю, много, много!» (Ustyugov: 47).

Однако главные вопросы нравоучительного бытописательства направлены, как правило, не вовне, а к самому себе: кто ты? что представляешь из себя и что делаешь, чтобы стать лучше? Создается впечатление, что именно задача разобраться в своих переживаниях, в адекватности своих душевных и нравственных реакций на происходящие события, стремление разложить их «по полочкам» заставляет семинариста взяться за перо. Противоречия жизни сгущаются, общественная атмосфе-

ра поляризуется, создавая у автора предощущение драматических событий. Это предощущение заставляет молодого человека впадать из крайности в крайность: часто его идеальные мечты сменяются волнами не менее характерной для юношеского максимализма социальной депрессии. «О жизни мы не жалеем: что жизнь? – Минутный сон. Смерть – и как бы совсем не жить. Да и кто будет знать, что мы действительно жили и померли. – Никто не будет знать. Нет, мне положительно теперь все равно: я остыл душою и телом ко всему, что меня окружает. Ничто, кажется, не способно меня теперь расшевелить; я камень душою, сердцем и телом. Только одна поэзия, этот Бог в святых мечтах земли, она только изредка оживляет меня и заставляет жить по-человечески. А больше ничто! Однако к черту все эти мечты, мечты – плоды расстроенного воображения и слабого ума» (Ustyugov: 87–88).

Саморефлексия в заметках фактически выступает способом формирования этического кодекса личности. Мы видим, что с первых строк заметок чувство «семинаристского товарищества» и городские авантюрные искушения довольно много значат для П.П. Устюгова. Но постепенно – от события к событию – и общие чувства семинаристов, и окружающие их искушения словно бы обесцениваются, и к финалу на первый план выходит стремление автора самостоятельно и как бы отстраненно созерцать общество и природу – стремление, оправдывающее индивидуализм, веру в Бога и единение с природой на фоне простой и относительно безгрешной деревенской жизни.

Утверждению этого посвящены финальные строки «Семинариста»: «Июль 1891 года. Суббота, 22 июля. Вот этот вечерний звон Кафедрального собора я, наверное, слышу в последний раз в продолжение учебного года: осенью меня назначат учителем в какое-нибудь село. А как этот звон хорошо действует на душу и освежает голову. Мне грустно от осаждавших меня мыслей (о самоубийстве Лидии Н.), но при этом звоне мне становится почему-то легче и отраднее

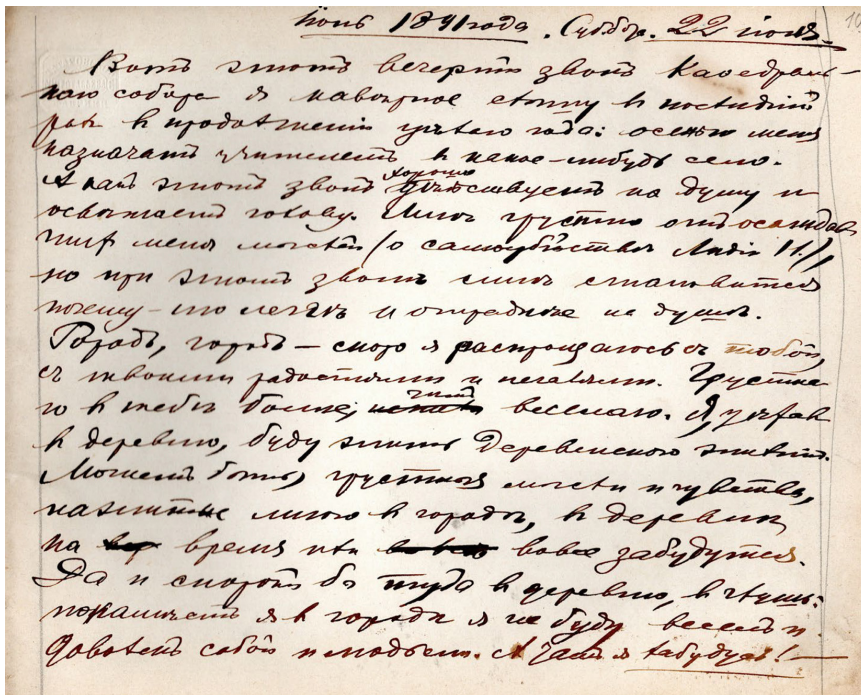

Рис. 6. Заключительный эпизод рукописи
Fig. 6. The final episode of the manuscript

на душе. Город, город, – скоро я расстанусь с тобой, с твоими радостями и печальями. Грустного в тебе больше, чем веселого. Я, уехав в деревню, буду жить деревенской жизнью. Может быть, грустные мысли

и чувства, нажитые мною в городе, в деревне на время или вовсе забудутся. Да и скорей бы туда, в деревню, в глушь: покамест я в городе, я не буду весел и доволен собой и людьми. А там я забудусь!» (Ustyugov: 104).

Список литературы / References

- Bakhtin M. M. Forms of time and chronotope in the novel *Epic and novel*. Moscow: Azbuka, 2000. 301.
- Bykonya G. F., Fedorova V. I., Bezrukikh V. A. Illustrated history of Krasnoyarsk region (XVI – early XX century). Krasnoyarsk: RASTER, 2002. 240.
- Inscriptions with a history. “Ustyugovskaya Playground” – poetry in stone URL: <https://shoggoth24.livejournal.com/3346.html> (date of application: 23.03.2024).
- Dedications to P. P. Ustyugov (poems) URL: <https://stolby.ru/library/literatura/ustugov-5-asp> (date of application: 23.03.2024).
- Potapov I. F. Krasnoyarsk. The story of photographs and documents. Krasnoyarsk: Offset, 2011. 327.
- Ustyugov P. P. Historical documents. URL: <https://stolby.ru/library/dokumenty/ustugov-1-asp> (date of application: 23.03.2024)
- Ustyugov’s parking lot on Bolshoy Tokmak (text by Yavorsky A. L. according to GAKK documents) URL: <http://mx.slimpbx.ru/mat/Yavorsky/GAKK/006/059-073/001.asp> (date of application: 23.03.2024).
- Ustyugov’s parking lot on Maliy Tokmak (text by Yavorsky A. L. according to GAKK documents) URL: <http://old.stolby.ru/mat/Yavorsky/GAKK/006/038-058/001.asp> (date of application: 23.03.2024).
- Yavorsky A. L. Stolby, Krasnoyarsk. Trend, 2008. 479.